

Александр ДОРОШЕНКО

Великая Екатерина

"Богородица царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!..."
Гавриил Державин. Фелица

Екатерининская (Елисаветинская) площадь имеет камерные размеры. Площадь и одноименная улица названы во имя святой великомученицы Екатерины. Площадь эта треугольной, ограниченной временами формы, она открыта всем ветрам и пронизана солнцем, и от ее граней лучами звезды отходят Екатерининская улица и короткие улочки, ведущие к Сабанееву мосту и Приморскому бульвару. С названиями этих улочек всегда была проблема. Узкая и кривая шель Воронцовского голого переулочка есть наследие всяких состоявшихся и не получившихся здесь перепланировок. Устраивалась эта площадь долго и трудно. Несколько раз она могла в перестройках исчезнуть вовсе. Ломаются на ней линия Екатерининской, а с постройкой Сабанеева моста засияла ее третий луч, переброшенный через балку Военного спуска.

В начале времен здесь естественным образом расположился скверик, — за прозрачной решеткой с ромбическими косыми ячейками росли деревья и подстриженные пуфиками кусты, а по периметру расставлены были высокие трехглавые фонари, пережившие здесь все последующие изменения. В центре скверика в тени ветвей и листьев была круглая прохладная чаша бассейна, и в ней плескался тройной высоты из трех чаш фонтан.

В мае 1900 года по проекту Б.В. Эдуардса здесь поставили памятник Великой Екатерине. Основательнице нашего Города, давшей ему имя и право на жизнь. Он был так же легок и строен, как сама эта площадь (поэту его доминантой была вертикаль), и с четырех сторон постамент, у его граней, стали сподвижники Екатерины в строительстве Новороссийского края, двое русских — светлейший князь Григорий Потемкин и граф Платон Зубов, первые генерал-губернаторы южного края России, и два иностранца происхождения, отдавшие лучшие годы жизни и все силы души и ума своей новой родине — Франц Сент де Волян и Иосиф де Рибас, первостроители Города. Каждый на своем месте, на собственном невысоком пьедестале, вокруг центрального барабана из розового гранита. Львиные морды с кольцами в оскаленных зубах охраняли памятник, и две изящные гранитные лестницы легкими дугами вели к основанию постаментов.

Лицом памятник был обращен к Екатерининской улице, на пьедестале во весь рост стояла фигура государыни, в царской мантии, попирающая ногой турецкий флаг и держащая в правой руке указ об основании нашего Города, и с этой же стороны Григорий Потемкин, светлейший князь Таврический, генерал-фельдмаршал, новороссийский, азовский и астраханский генерал-губернатор, властелин полуострова.

"Это был человек даровитый, но почти ни одно дарование его не могло быть применено к надлежащей цели по страшной жадности и честолюбию, питаемому неверностью положения"¹. С юности одна только мысль поглощала его — быть первым, играть главную роль. Он никогда и ни в чем не знал меры. Он властвовал над Югом России, над громадными территориями, властвовал, как монарх, и никакие европейские монархи такими пространствами и властью не обладали. А роскошью это уж точно. Людовик XIV был Францией — Григорий Потемкин был Новороссийским краем и Крымом. Он построил себе столицу на юге — Херсон. Все вокруг раболепствовало... и ненавидело. На вершине власти друзей не имел. Никогда и никому так не завидовали в России, и не было вельможи, которого бы так яростно ненавидели.

"...князь Потемкин, сей великий вельможа тогдашнего времени, воровачий всем государством, приводивший все оное в удивление собою и, как казалось, родившимся на сущий вред оному; человек, который ненавидел все свое отечество и причинял ему неизреченный вред и несметные убытки алчностью своею к богатству и от которого и вперед ничего ожидать было не можно, кроме вреда и пагубы", — это домашняя запись-меморий Андрея Болотова², — так чувствовало дворянство. А это уже голос памяти старого князя Болконского:

"...И ему представился Дунай, светлый полдень, камыши, русский лагерь и он входит, он, молодой генерал, без одной морщины на лице, бодрый, веселый, румяный, в расписной шатер Потемкина, и глужее чувство зависти к любимцу, столь же сильное, как и тогда, волнует его. И он вспоминает все те слова, которые сказаны были тогда, при первом свидании с Потемкиным".

¹ С.М. Соловьев. История России с древнейших времен (в пятнадцати книгах). М. Мысль, 1966.

² А. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков (1738-1795).

Потемкин это спокойно знал... Он любил сильных врагов. Станным образом эти слова Толстого сказаны о самом Потемкине, — так остро он чувствовал зависть к Григорию Орлову. Начали они восхождение в одном общем деле 28 июня 1768 года, но он, много более даровитый, остался на вторых ролях, и долго пришлось ждать...

Стоит он тяжело и спокойно. Держит треуголку на сгибе правой руки, а в левой фельдмаршальский жезл. Роскошен, властолюбив, снисходителен. Эта снисходительность в нем оттого, что равных себе не видит. Суворов, пока был жив Потемкин, был при нем и ему не ровня. Суворов ему завидовал. Вельможа и русский медведь. Барин. Такая сила чрезмерна и приложения себе она не находит. Лицо у него — так делали лица-маски у мифических божеств, символизирующих великие реки мира, с открытым ртом и льющимся из него нескончаемым потоком воды. Но так изображали и сластолюбие без меры. Убивают же.

В Городе он застыл водопадом лучшей в мире лестницы, самой роскошной, самой небываемой, неостановимой (как и он, во многом бесполезной, — если признать красоту бесполезной...).

Платон Александрович Зубов. Генерал-губернатор Новороссийского края (Екатеринославский и Таврический), генерал-фельдмаршал, светлейший князь. Он был из тех, кто способен во всем, — царедворец, политик, дипломат и организатор. В правой руке у него треуголка. И очень простое лицо. Хорошо иметь среди основателей Города такие лица — и гордиться, вот такими мы были в своих истоках (а ставшее с нами сегодня вполне переходящее). С такими лицами они в ином разбеге могли бы стать вождями Великой Французской революции... могли бы написать конституцию Соединенных Штатов...

И вновь голос князя Болконского:

"...И ему представляется: матушка-императрица, ее улыбка, слова, когда она в первый раз, обласкав, приняла его, и вспоминается ее же лицо на катафалке и то столкновение с Зубовым, которое было тогда при ее гробе за право подходить к ее руке".

Если бы он не отстоял идею создания главной гавани на Черном море именно здесь, где ее определили де Рибас и де Волян, нас не было бы на земле!

В Городе есть Платоновский мол...

Паразителен Иосиф де Рибас. Испанский дворянин, солдат удачи, генерал-майор, вице-адмирал русской службы. Дон Хосе. Самый "легкий" из всех, невесомый... Он не здесь в этот момент, он уже где-то там, впереди, и за ним не угнаться. Сразу видно — честолюбец, авантюрист... Баловень фортуны... Все вокруг для него лежит шахматным полем и, рассчитав наперед ходы, ждать он не станет. Верить ему особенно не стоит. Просто потому, что вторым он не будет и станет первым, если его не оставят... и, видимо, остановили. Сам бы он не остановился... Адмирал. Он это понимал как движение, и впереди у него не было границы, не было мыслимого предела. Легкий в решениях, отважный до безумия, осторожный, как медведь перед броском яростная пума... Изысканный, он стоит здесь, как стоял бы на придворном балу, легко и непринужденно (и Эдуардс так поставил пальцы правой его руки — они выдают его с головой, эти пальцы, так они нервны, так замерли в напряжении порыва). Этот нос и разлет бровей от хищной птицы, и глаза, высматривающие добычу, и губы, с улыбкой, успокаивающей жертву, если она так наивна, и эти губы могут ее успокоить... Лицо поднято, поднят подбородок — он музыку слышит, и манит его эта музыка, то ли гвардейский рожок зовет там, на стены Измаила, то ли начальные такты торжественного выхода императрицы... Храбрый из храбрых, как во Франции маршал Ней и у нас генерал Багратион, но в отличие от них, храбрых солдат, в нем было еще многое сразу... Слишком многое для одного!

Не повезло ему с Аркольским мостом!

В Городе он остался главной улицей и нашей юностью!

Франц Сент де Волян здесь самый низший чинов. У него только одна на груди награда — боевая — Георгиевский крест за отвагу при штурме Измаила. Эполет на левом плече — в год создания Города он был инженерный полковник. Правой опущенной рукой он держит свиток планов и карт. Он необычен среди этих четырех всем — невысоким званием, рабочей тяжелой профессией, позой, наклоненной в раздумии тяжелой головой, усталым задумчивым лицом. У него одного опущен книзу подбородок. Мастер, на минуту превращавший работу и вглядывающийся в пространства еще не построенного Города — он видит Город, видит, как это будет. Мастер, однажды нарисовавший нам Город!

В Городе он остался Городом, который стал ему памятником, — целиком!

Чудный памятник этот жил недолго, — кумачовая скатерть накрыла Екатерину в кроваво-красном 1917 году, так палач перед казнью набрасывает на голову жертвы покрывало...

"Из тьмы веков вззошла тяжелым шагом
На гулкой пьедестал торжественная новь,
И голову царицы красным флагом
Закатала... И пурпур, точно кровь,
Стекает вниз по бронзовому телу..."

...над городом встает
Из давних снов, как призрак, тень Марата
И смотрит, как пурпурово течет
По памятнику кровь и как мелькают птицы
Над трупом обезглавленной царицы"

Юрий Олеша.

Кровь на памятнике. Апрель 1917

Де Волян и де Рибас, Григорий Потемкин и Платон Зубов, накрытые этим покрывалом, тоже дожались своей казни. Они лежали на площади, и позы их были такими, как падают расстрелянное тело. А позже Екатерину четвертовали...

Беспомощные, они лежали в самом центре Города, который задумали и создали на краю солонного, как слезы, моря и сухой, как сиротство, безводной степи. Платон Зубов, отстоявший мысль о создании Города, Григорий Потемкин, властелин полуденной этой земли, обеспечивший ее безопасностью, дон Хосе де Рибас, так задумавший наш Город, и Франц де Волян, так нам его нарисовавший.

И Великая Екатерина, благословившая Город на жизнь!

Они лежали на брусьях мостовой и кровь медленно сочилась и текла вдоль бороздок, вдоль канавок брусьев, под ноги стоящим вокруг людям, пришедшим участвовать в площадной казни. И неловко переступали ногами стоявшие вокруг трупов люди, боясь запачкать этой кровью свою обувь.

(Художник совместил здесь два времени, реальное сиюминутное время, в нем стоят все эти, нацепившие красные банты и усы, и с шашками усевшиеся на не виноватых ни в чем лошадей, а также селянин с граблей-ружьем и пустой постамент. И время вечности, в котором отлетают куда-то от нас прочь бронзовые тела наших близких...)

Памятник Екатерине сняли 1-го мая 1920 года, и постамент долго стоял пустым³. Екатерину гильотинировали, — говорят, — намерено лишили головы! Выдрали из постаментов льва. Сорвали надписи, где-то сложили тела казненных, Екатерины и четырех...

А всего за несколько десятков лет до этого дня на площади вот так же собирались люди. Был день открытия памятника Великой Екатерине. На старой фотографии, любительской, море людей и цветов. Живыми цветами убраны клумбы вокруг постаментов, цветы в руках людей, и один букет лежит у ног Екатерины. Люди стоят по всей площади и на прилегающих улицах, Сабанеева моста и Екатерининской, ее надломленного поворота, ведущего к Дюку. С цветами в руках, со слезами благодарности. Среди них были отцы и деды вот этих, теперь вернувшихся сюда, и поставили они памятник основателям и строителям Города. Деньги на него были собраны всеми сословиями Города, бескорыстно... У пьедестала хор и оркестр. Море флагов в руках пришедших на праздник открытия, на стенах домов, на балконах, где тоже цветы и люди. Движимые любовью.

А эти движимы были силой разрушения и страшной ненавистью к ушедшему. И страхом — уже проявлялся в их поведении страх, который с этого мгновения стал расти и расти и стал основой всей их последующей жизни! И основным побудителем всех поступков... Потому что отвечает человек за свои поступки... Потому что ненависть к прошлому отцов рождает страх за будущее детей!

А потом мы долго и счастливо жили, имея вид, что ничего не произошло. И сегодня такой вид привычно сохраняем.

Они много лет провели в подвале Музея истории и древностей. Там были выставлены "отдельные части императрицы — голова, юбки и бюст, волнующий своей пышностью посетителя". Я вижу, что рассказывали этим посетите-

³ Снимали памятник по частям. Я видел фотографию — рядом с памятником на площади стоит паровоз (он добрался сюда по специально проложенной трамвайной ветке от Ланжероновской), и этим паровозом пытались стащить памятник целиком — но не потянул паровозик. Тогда же трактором пытались сдвинуть памятник Воронцову и, к счастью, не потянул трактор (Прим. автора).

⁴ Илья Ильф. Путешествие в Одессу. 1929.

лям тогдашние экскурсоводы, какой мерзостью и грязью поливали нашу историю.

По сути, это наша Гревская площадь!

Попыток пристроить на екатерининском постаменте Карла Маркса было две, и обе странным образом провалились, родив анекдоты, — поставленного в рост Маркса сдуло ветром, а установленный его же бюст вызвал игривую неприязнь горожан, писавших на его спине короткое и излюбленное ругательство моего народа, так что власти сочли за благо оставить эту затею вовсе.

На советской открытке представлено открытие памятника Марксу на краденном Екатерининском постаменте. Январь 1921 года. Бюст, поставленный на таком высоком и несоразмерном постаменте — нонсенс. И сам Маркс видом языческий идол. Сурово и страшно. Они тогда уже все боялись друг друга и джина революции, выпущенного ими из бутылки. Обычно при открытии памятника люди стоят с букетами цветов, с праздничными лицами, с радостью и в улыбках. Так было при открытии памятника Екатерине. А здесь вокруг памятника каре войск, и угрозой торчат штыки трехлинеек. Все отдают друг другу честь — командиры войск тем, кто, взобравшись на постамент, отдает честь им, сверху вниз, командирам. И видно, как все они делают правильно, правильными имеют выражения лиц и принятые торжественные позы, слова они там говорили правильные и правильные пели песни — слышном много было вокруг внимательно наблюдающих глаз! Потом они хором пели, без музыки или под похоронные излюбленные марши духового военного оркестра, пели, конечно, о себе, о том, что пали жертвой, а что погубили массу невинных, об этом они никогда не пели. Опасные смертельно были эти певуны, еще Пушкин, это предвидя, отметил:

"Сколько их, куда их гонят,

Что так жалобно поют?

Домового ли хоронят,

Ведьму ль замуж выдадут?"

Партийные бонзы вылезли на постамент и стоят на местах, где были Потемкин и Зубов, де Рибас и де Волян. Только эти, в роскошных революционных галифе, малы ростом для постаментов, и давным-давно позабыты смешные их имена. Есть и цивильные соучастники действия. Они стоят правильными несколькими шеренгами у зданий за памятником, у дома Маса. Они стоят так правильно, так молча и так трагически неподвижно, как обычно стоят перед расстрелом (или наблюдая чужой расстрел и примеряя его к себе...). Ну, многим так и вышло, чужок погода.

А это уже памятник Марксу в рост — настоящий стоит Иван Сусанин. Нечто уродливое, прибудившееся и пошлое. Если пропустить эти фотографии кинематографом, Маркс спляшет вприсядку, — вот он присел и сжался, и был он тогда бюстом, а здесь он встал и выпрямился на краденном пьедестале. Тот же самый, с волосатой гривой, в густой бороде венником, с пенсне и в жилете⁵.

Какая-то сила их, марксов, отсюда сдувала!

Они, четверо, стоят теперь во внутреннем дворике музея на Гаванной. Двое, де Волян и де Рибас, у облезлой стены, поставлены отдельно, как ставят перед расстрелом, и двое, Григорий Потемкин и Платон Зубов, — в густых кустах разросшейся клумбы. Обрубок Екатерины, оплечный, сохранившийся чудом, собран из двух кусков и превращен в подобие бюста. Обращена императрица лицом к густым зарослям. Взгляд ее, адресованный Городу, упирается в близкую плоскость стены. Тяжелая мантия заткана двуглавыми орлами. На шее виден багровый рубец от ножа гильотины.

И многие годы пустым стоял постамент, превращавшийся зимой в ледяную горку, и мы подрастающими и студентами бежали сюда кататься с крутых ее склонов. Потом сняли, куда-то продав постамент.

И напоследок в году 1965-м поставили здесь неповоротливо огромный, задавивший тяжестью площадь, памятник восставшему броненосцу "Потемкин". Бульжник пролетариата. Прототипом послужил старый уют на углях, но почему-то с душно искаженными пропорциями.

Много раз пытались вернуть их, сохранившихся, на площади Города, и все срывалось. Видимо, нам трудно будет смотреть им в глаза за все, что сделали с их памятью, и за все, что сделали с их Городом!

Но это место для нас святое, так было предопределено, и иному здесь места не будет. Все это пыль времени, сон разума, переходящая суета. Это наше, горожан, семейное дело. На этом месте, святом для нас, ничего иного уже не создано. Только вернуть, как было. Бульжник пролетариата, страшной тяжестью легший на площадь и нам на душу, надо перенести. И поставить на кладбище, могильным камнем ушедшему, если только оно реально ушло... Даже и размышлять не стоит — это место памятника Великой Екатерине и, не восстановив его, Города нам не построить. Это угловый камень фундамента, и без него зданию не устоять!

А к подножию Великой Екатерины принести цветы и покаяться за долгие годы беспамятства.

⁵ Это пенсне по наследству досталось Лаврентию Павловичу, и так его хищный блеск отразился в нашей истории (Прим. автора).